

Ирина Горбань

Ирина Горбань – поэт, писатель, публицист. Родилась и живёт в Макеевке. Окончила Глуховский государственный педагогический институт – по образованию преподаватель дошкольной педагогики и психологии. Работала в Министерстве информации ДНР. Автор рассказов о погибших и раненых детях Донбасса (проекты «Ангелы», «Пёрышко Ангела»), очерков о погибших защитниках Донбасса.

Автор 10 сборников стихов и прозы. Книги «В зоне видимости блокпоста» и «В осколках отражается война» (издательство «Картуш», Орёл) презентовала в Москве на Красной площади на фестивале «Красная площадь – 2019» и в Рязани на фестивале книги «Читающий мир».

Член Союза писателей России, Союза писателей ДНР, МСП и «Новый современник». Лауреат литературных премий: им. Михаила Матусовского, им. Людмилы Татьяничевой, им. Молодой гвардии, им. Владимира Даля.

Галинкина война, или Монолог из подбитого автобуса

В больницу люди обычно попадают случайно. Это только правильные больные могут лечиться по направлению дежурного врача. Заболеют, примут жалобный вид, глубоко подышат под фонендоскопом и в надежде отдохнуть недельку на больничной койке отправляются в приёмный покой. К чему случайности, если всё можно запланировать. Ведь их ждет отдельная па-ла-та. Там хорошо: выспаться можно, туалет рядом, столовая... Отдохнут немного, поразмышляют, тайком подключат вайфай, поинтересуются, как там мир без них, и, спокойные и отдохнувшие, возвращаются на работу. Её ведь никто не отменял.

Неправильным больным проще. С утра начистил зубы и ботинки, чего-то похватал по тарелкам в холодильнике, проглотил пару-тройку глотков остывшего кофе с молоком, и на автобусную остановку – бегать за автобусами, материться вслед неостановившимся и бежать за следующим. Ну не могут же все подряд проезжать мимо. Кто-то же заметит озверевшего бегуна. Фух! Втолкнулся, щекой сплюснул стекло двери (или наоборот). Поехали.

Работа. Работа – это серьезно. Работу надо работать долго, честно, правильно. От звонка до звонка. Зачем тогда работа, если всё неправильно? Пра-а-авильно. Там вовремя платят зарплату. А если платят, ты обязан работать честно. Ведь таких бегунов по остановкам ой как много. Работашь в поте лица, придумываешь программу, осваиваешь, делишься удачами. Кому нужны твои неудачи? Удаchi – это очень хорошо. Главное, чтобы в отведённое время конца работы резко отключить компьютер, помахать ручкой кому-то неведомому из окна 17 этажа и мчать к лифту – вдруг повезёт, и спустишься первым. Но! Но все сотрудники всех отделов думают именно так, и поэтому – давка и сутолока у лифта,

лёгкие расшаркивания с теми, с кем не встретился в рабочее время, и вот она – свобода!

Ты свободной походкой, типа спортивного шага, мчишься на остановку, чтобы успеть втолкнуть своё уставшее тело в заднюю дверь автобуса и, провисев около часа езды на одной руке, с чувством глубокого удовлетворения выпадаешь на родной остановке.

Это до войны. Об этом теперь можно только вспоминать. Вспоминать и улыбаться. Да-а-а. Было время. Сейчас всё иначе. Сейчас...

Сейчас всё то же, только жёстче. Автобусы сократили, мужчины ушли на войну, а женщинам никто работу не отменял. И всё по новой. Читай выше.

Пока идет рабочий процесс, нас бомбят. Понимаю, что бомбят бомбами. Это значит авиация. Нас уничтожают с земли. Но ведь это тоже «бомбят». А как назвать ежедневные смерти, ранения, уничтожения? Правильно. Бомбёжка.

Едешь такая с работы, отвлечённо тычешь пальцем в телефон – игры ведь тоже никто не отменял для расслабления нервов. И тут вдруг в твоё тихое пространство врывается крик: «Всем на пол!». Не знаю, что там было в салоне автобуса, но вся задняя площадка повалилась на пол. И ведь никто не вспомнил, что юбка белая, кофточка новая, обувь только раз обутая.

Валяемся. По крыше и бокам автобуса грохочет что-то громкое, стальное, резкое. Всей кожей, каждой клеточкой ощущаешь смерть. А когда смерть рядом, – тут и вспоминаешь Всевышнего. Кто помнит только слово «Господи», кто «Боже мой!», но не всё так плохо. Вот одна громко, на полсалона читает «Отче наш». Спасибо! Спасибо за «Отче», спасибо за «наш».

Автобус мчит, водитель побагровел, вдавливая в пол педали газа, люди потихоньку поднимаются с грязного затоптанного пола, не отряхиваясь, вглядываются в окна –

не летит ли вслед снаряд. Повезло! Не прилетел. Но ты ведь незапланированный пациент больницы. Ты продолжаешь лежать на полу. И к чёрту, что новая кофточка, и что бант на обуви в чём-то странно мокро. Или это кровь? Кто ранен? Откуда кровь?

Окружающие пытаются тебя растормошить, пошевелить, спросить, какого ты роду-племени, а ты в ответ по-идиотски смотришь на них и думаешь, мол, я-то знаю о себе всё, только вам на кой это сдалось? Самая шустрая вытасила из-под тебя белую сумочку, достала телефон и давай в нём рыться.

Вот на этом моменте, пожалуй, и заканчивается эдакое разудалое бахвальство. Дальше – проза выживания в больнице во время постоянных обстрелов с украинской стороны. Им ведь по барабану, в больнице ты или на передовой. Главное – убить, уничтожить, стереть с лица земли. Ты ведь враг несусветный, хоть тебе шесть лет, хоть шестьдесят.

Итак... остановка. Каким-то совсем не своим взглядом осматриваешь окруживших тебя чужих людей. Где-то там, далеко в сознании, понимаешь, что бессильна. Не работает язык, упало зрение и все вокруг тебя какие-то мутные, как в тумане. А главное – ноги. Их просто нет под тобой. А-а-а, поэтому тебя перенесли по воздуху на скамейку и подпёрли с боку увесистой дамочкой. Но главное в этом абсурде – лица и взгляды. Участливые, добрые, понимающие. Ведь это война, а в автобусе женщина валяется на полу. Не ранена, но тело говорит об обратном.

Из рук в руки сдав тело попугачицы докторам и дочери с зятем, доброе и милое окружение растворилось по своим домам. Надо до обстрела успеть добежать до своей квартиры. Там надёжнее. Там можно просто зашторить окна, вроде совсем нет войны.

Приёмный покой, КТ, МРТ, осмотр невропатолога, длинный коридор, палата.

«Похоже, меня привезли в туалет», – подумала ты. Голова не двигалась, как и всё тело. Мозги шевелились. Ты чувствовала это желеобразное вещество в черепной коробке. Собрать в кучу мозги никак не удавалось. Отвечать на вопросы – дело техники. Раз – и... А техника куда-то исчезла. На поверку – ни речи, ни движений, ни самостоятельности. Оставалось отдаться безраздельно в руки врача. Это действительно был врач. Вернее, была. Молоденькая, милая, красивая, мягкая, добрая...

«Я домой хочу», – сказала ты. Сказала бы... Ладно, ты ничего не сказала. Ты думала. Ты хотела, ты мысленно кричала. Во рту мешал язык, руки тряпками лежали вдоль тела, ноги... а ног ты не чувствовала. Это невозможно!

Всё остальное осталось в истории глубокой тайной. Ни-че-го не помнишь. Главное: не помнишь, как оказалась в памперсе. Ночь.

Такой длинной ночи у тебя не было давно. Чужие люди, естественно, женщины, спали на своих койках. Спали! Как можно спать при таком храпе?! Это не храп. Это рёв танка! Проходящая мимо открытой палаты санитарка поинтересовалась, почему не спишь. Ответить не можешь – язык не шевелится. Но глазами показала в сторону кровати. Санитарка участливо, одним взглядом и вздохом поддержала и пошла по своим делам.

Утром все перезнакомились. Ты кое-как могла произносить слова. Язык цеплялся за зубы, не хотел вспоминать свои непосредственные обязанности. Но то, что Зоя храпит как танк, ты сказала! Зоя обиделась. Нежная стапятидесятикилограммовая полупарализованная пациентка обиделась, как ребёнок. И тебе тут же стало её жаль. Да, ты слаба. Ты тут же прощаешь всех, кто тебя обидел. Этот недостаток часто подводил и в этот раз сработал по полной. Простила. Да и какой сон при инсульте? В прошлый свой инсульт ты месяц не спала, а тут всего ночь. Знала бы ты, что семь дней,

семь суток не будешь спать от слова «совсем». На седьмую ночь димедрол сделал своё коварное дело – ты от одного укола утонула глубоко в сон. Это был настоящий сон. Ты не слышала храпа, не слышала санитарок, которые меняли девочкам памперсы.

Памперсы... О них не хочется вспоминать. Тем более рассказывать о своих ощущениях. Если хотите узнать, какво это – лежать семь суток, не поднимая головы от подушки, мечтать о самом вонючем туалете (уборной) и уговаривать себя, что ещё сутки, и разрешат подниматься. Лягте дома на кровать в памперсе. Вам будут подносить литрами внутривенные капельницы, чай, жиденький суп, а вы попробуйте вытерпеть. Или – в памперс. Ведь с детства приученные не надудолить под себя, вы вдруг оказываетесь в совершенно противоположном положении – надо надудолить! Вот тогда-а-а. Вот тогда вы поймёте, какво это – в памперсах.

Памперсы необходимы особые – с сиреневыми полосками. Они дорогие, но многоразовые. Это отличие все замечают моментально. Это самые стойкие и надёжные «трусики». И нянечки довольны – в них реже появляются пролежни. А стыд? Какой стыд при открытой двери? Палата тяжёлых. Здесь не прохаживаются любопытные ходячие больные, здесь тяжёлый запах. Здесь ежедневно бывает смерть. Может, поэтому так добры нянечки?

Нянечки.

Нянечки – это наши мамы. Нежные, внимательные, крепкие, заботливые. Все. То ли проходят мастер-класс, то ли проникаются ситуацией, но ни разу за всё время никто не слышал от них грубого слова к кому бы то ни было. Нянечки все ухоженные, в чистых костюмчиках, перчатках и улыбках. Именно «в улыбках». Смотришь в лицо любой санитарочки и невольно улыбаешься в ответ. Но только они знают, как тяжело отработать смену. Неврология – это настоящее испытание. Особенно в нашем блоке «тя-

жёлых». Нянечка только сменила памперс, улыбнулась больной, а через несколько минут ту уже накрыли простыней. И тогда, собрав силу воли в кулак, несколько крепких нянечек берутся со всех сторон за простыню и водружают ещё тёплое тело на каталку. С глаз долой. Ведь рядом лежат без движений ошарашенные обездвиженные больные. Как бы новый приступ не случился от страха.

Больные ведь все очень разные. У них своя, отличная от других, психология, семейный и жизненный опыт, возраст, темперамент. А главное – они все очень капризны. Особенно Лина.

Лина. Она вспыхивает, как спичка, по любому поводу. Поводы придумывает сама. Домохозяйка, отправившая любимого мужа на защиту Республики, вдруг потухла. Горела-горела, носилась по трём огородам, пропалывала, поливала, выращивала цветы и овощи, и вдруг свалилась как подкошенная. Это не в её характере. В палату Лину привезли на каталке. Белая, как стена, с постоянной рвотой. Инсульт. Хотела встать с первой минуты. Не слушала врача, сама как ванька-встанька – хоп, и снова сидит. Поругалась со всеми, наревелась, получила второй инсульт. Вот тогда испугалась по-настоящему. Притихла. Притихла на пару часов, пока спала. Старенькая Варя лежала рядом и только поглядывала на соседку. Варя тоже было плохо.

Варя. Здесь всё сложно. Семья, дети, отношения, приоритеты. Но это её семья. Не лезем. Не имеем права. Каждый день она себя убеждала, что как только вернётся из больницы, дома всё будет иначе. Верит ли сама себе? Нет, конечно. Понимала, что и все не верят. Варя картавит. Картавит, как маленький ребёнок. Причём нижнего ряда зубов у неё нет. Говорит, что в январе упала и выбила зубы. В этот же раз упала на копчик. Как у неё получился этот финт сразу с двумя противоположными сторонами тела – вот вопрос. Но она не заметила своего вранья и продолжала картаво

рассказывать о себе, уже не стесняясь пустого рта. И кому сейчас какое дело до беззубых ртов пенсионерок. Пенсии маленькие, работы нет, денег копить на зубы, на дешёвые тапочки-кофтёнки тоже нет. Периодически соседки подбрасывают свое старьё. Варя, как ребёнок, радуется любой вещи, ведь муж, с которым прожила шестнадцать лет и помогла поднять и воспитать кроме своих ещё и его детей, сам инвалид-афганец второй нерабочей группы. Хорошо, если есть свой огород, откуда можно питаться летом, а потом и зиму доедать припасы.

Ушиб сначала не проявлялся, пока не началось серьёзное воспаление, а потом и свищ. Копчик – это окончание позвоночника. Так все думают. И боль – испытание на прочность. Терпела женщина долго, пока из Мариуполя, освобожденные из Азовстали, не приехали сын с невесткой. Они-то и приволокли мать в больницу. Успели. На почве постоянной боли развился диабет, высокий сахар, похудение. Все думали, что этой бабуле лет восемьдесят, а оказалось, шестьдесят с хвостиком. Конечно, мы не замечаем своего возраста. Кажется, что мы намного моложе. Но такая серьёзная разница всем бросилась в глаза. Боль, физическая ли, моральная, вся осталась на морщинистом лице. Овободившись от постоянной изматывающей боли, Варя начала со всеми разговаривать. Её невнятная речь порой так доставала, что хотелось бросить в неё подушкой. К счастью, подушки были неподъёмные, словно камни-монолиты.

Да, подушки. Ты даже сестре-хозяйке пожаловалась на свою постель. Сказала, что жёсткая, словно лежишь на досках. Улыбнувшись в ответ, сестра-хозяйка ответила, что ты не ошиблась. Здесь все лежат на досках. О, ужас! Как можно в наше время, в двадцать первом веке?! Только позже ты поняла, что так и больным надо, и нянечкам легче

переворачивать, меняя памперсы. И позвоночники настраиваются на работу.

Бабу Галинку привезли неожиданно. Собственно, сюда все попали неожиданно. Наверное, не так. Бабу Галинку привезли совсем обездвиженной. Крупного телосложения, с минимумом морщин на лице, белотелая, всё время стонала: «Больть!». Дочь растирала матери ногу. Казалось, и во сне Татьяна ни на секунду не останавливалась. Опекала мать, всё время чувствуя свою вину. Сейчас так жизнь устроена, когда дети и родители живут отдельно. У каждого свой мир, в который порой никого не хочется впускать. Так бы и жили, если бы в этот мир не ворвалась без спросу война. И ведь в разных концах города живут, но и у дочери, и у матери опасные районы. Везде прилёты. Только на Бога надеяться – авось не прилетит. Так и получилось, что Галинка была в квартире одна, когда случился инсульт. Галинкой Анна Григорьевна стала, когда правнук заговорил. Это он назвал старенькую бабулю Галинкой. С тех пор и все соседки стали звать её Галинкой.

– Господи, ну почему всё так получилось! – в сердцах выдохнула Татьяна. – Разве бы мы допустили, чтобы мама осталась одна в таком состоянии?

Потеряв сутки без медицинской помощи, Галинка не нашла в себе сил для борьбы. Она только постанывала, приговаривая: «Больть!».

Ноги у нее болели всегда. Женщина привыкла лечиться народными средствами – травами, компрессами, примочками. Став обездвиженным, её тело обратило внимание исключительно на правую, непарализованную ногу. Болит – значит, живая. Четверо суток шла борьба за восстановление некоторых жизненных функций. Бабуля заговорила. Ей принесли рисунок от правнука, где он с любовью написал просьбу о скорейшем выздоровлении бабули. Галинка попросила рассказать всем, что во всём виновата война. Если бы не обстре-

лы, была бы сейчас дома, ухаживала за клумбой и угощала малыша сладостями. Она любит свою внучку, правнука, но бомбят, поэтому надо всегда сидеть в квартире. Во время очередного обстрела она лежала на диване...

Татьяна повязала матери белый ситцевый платочек, и та сразу как-то постарела. Не сопротивлялась. Почему-то не снижалась температура. Устав от боли, Галинка вдруг глубоко вздохнула. Дочь испугалась и позвала доктора.

Никто не понимал, откуда эта паника. Всё было спокойно и размеренно. Бабушка получила дозу лекарств, немного поела супчика, ей сменили памперс...

Вошли доктор с медсестрой, попросили всех выйти из палаты. Всех ходячих. Трое оставались в своих постелях. Галинка ещё пару-тройку раз вздохнула и притихла. Врач констатировал смерть.

Смерть была рядом. Протяни руку – и вот она. Настоящая. Тихая. Без обстрела. Все лежащие закрыли глаза, чтобы не видеть, не слышать, не знать, не участвовать.

Уже через пять минут Галинки не было в палате. Её увезли. Осторожно. Тихо. Быстро. Зачем новые инсульты? На стене, у изголовья, остался висеть рисунок правнука, прикреплённый лейкопластырем.

За окном вдруг резко взорвало небо. Вскрик! Испуг! Слёзы. Так будет долго. Память бомбежки автобуса осталась на подкорке. Это как детский испуг. Когда прижмешь плачущее дитя к груди, погладишь по головке и тихонько нашепчешь ласковые слова, оно и притихнет. Но ты. Ты взрослая. Тебя никто не прижмёт, не погладит по головке. Тебе самостоятельно надо из этого взрыва выкарабкиваться. Но как? Как, если взрывы всегда. Они вокруг. Они в тебе. Они в окне, в небе, в сердце.

Война. Война отнимает жизни и с кровью, и без крови. Кто подсчитает количество умерших от шока, от стресса, от боли? Кто ведет эту статистику? Кто скажет: «Стоп. Достаточно. Это сон. Всем проснуться!»

Галинка уже не проснётся. Мы каждый день слышим о погибших. Мы знаем, сколько человек ранено. Мы не знаем, что каждый день по коридорам больниц громыхают старые каталки. И вдруг услышишь: «Ты почему головой вперед везёшь? Нельзя! За собой ещё потянет. Быстро повернули каталку!»